

UNITED WISDOM

Единое Плотина: как множественность связана с единством

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W34 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Единое Плотина: как множественность связана с единством

Эпиграф

> *«Единое есть всё и не есть ни одна из вещей».*

Плотин, «Эннеады» V.2, § 1. Точная начальная клауза перед точкой с запятой в показанном английском переводе Стивена Маккенны и Б. С. Пейджа: “The One is all things and no one of them”. Собственный перевод United Wisdom с английского, не непосредственно с греческого. Первичный текст, начало трактата о происхождении следующего за первым.

О чём эта статья

Слово единство может обозначать разные вещи. Несколько голосов образуют разговор; части принадлежат одному предмету; различные события получают общее объяснение. Но из каждого такого единства не следует, что различия исчезли или что за всеми явлениями обнаружена одна физическая сила. Плотин ставит более сильный вопрос: как множество вообще связано с первоначалом, которое само не является одной вещью среди вещей? Мы прочитаем два центральных трактата пятой «Эннеады», различая Единое, Ум и Душу, порядок зависимости и последовательность во времени. Образы света и источника помогут увидеть ход аргумента, а сопоставление с Аристотелем покажет как сходные вопросы, так и настоящее несогласие. Это рассмотрение религиозно-философской картины в её собственных допущениях. Оно не превращает древнюю метафизику в современную космологию и не обещает особого состояния сознания. Читатель сможет точнее спрашивать, что именно объясняет ссылка на единство и какие различия такое объяснение должно сохранить.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Сначала нужно уточнить вопрос о единстве

Единство становится содержательным понятием, когда понятно, какого объяснения мы от него ждём. Рассмотрим условный музыкальный ансамбль. Можно спросить, сколько в нём исполнителей, как согласованы партии, почему они решили играть вместе или что позволяет назвать исполнение одним произведением. Все вопросы относятся к тому же случаю, но требуют разных ответов. Фраза всё едино сама по себе не выбирает ни один из них. Она может даже скрыть то различие, ради которого начался разговор.

Плотин в трактате V.1 предлагает движение от Души к Уму и к первому началу. Его интересует порядок, в котором последующее получает основание от предшествующего. Поэтому Единое не следует заранее представлять коллективом, сложенным из всего существующего. Сумма уже предполагает элементы, способ их различить и действие объединения. Вопрос Плотина касается того, что должно быть первым относительно такого различимого содержания, а не того, как собрать готовые элементы в максимально большую группу.

Здесь возникает трудность чтения. В обычной речи одно означает единичный предмет: один стол, один голос, одно решение. Если перенести этот смысл на первоначало, оно станет ещё одним пунктом перечня. Тогда останется вопрос, что связывает его со всем остальным. Плотиновская конструкция пытается избежать такого возвращения к исходной трудности. Она ищет начало множества, которое не зависит от множества в том же отношении, в каком множество зависит от него.

Пока это постановка задачи, а не доказательство, что решение найдено. Читатель вправе спросить, почему единство вообще требует отдельного первоначала и почему нельзя объяснять разные вещи через разные отношения. Важно дать этим возражениям место. Иначе само название Единое будет выполнять работу аргумента. Первый шаг чтения состоит в том, чтобы увидеть, какую зависимость Плотин хочет объяснить, прежде чем соглашаться с его ответом или отождествлять его со своим опытом целостности.

II. Единое не является скрытой вещью внутри остальных

Начало трактата V.2 связывает всё с Единым и одновременно отказывает ему в тождестве с какой-либо отдельной вещью. Эта напряжённость составляет смысл эпиграфа. Плотин не предлагает найти в каждом предмете одинаковую маленькую деталь. Его рассуждение направлено к началу, которое не имеет определённости производного. Если бы оно уже было некоторой различимой вещью, возник бы новый вопрос об основании её состава и особенностей.

Поэтому слово всё в этой конструкции не означает мешок, наполненный всеми предметами. Оно указывает на зависимость того, что происходит от начала. А отрицание принадлежности к любой из вещей не означает простого отсутствия. Плотин пытается мыслить источник определённого, который сам не становится ещё одним определённым предметом. Читатель может считать этот ход убедительным или спорным; в любом случае его нужно отличать от утверждения, что существует огромный невидимый объект.

В обычном объяснении мы часто движемся иначе. Если ищем, почему испорчен прибор, предполагаем конкретную неисправность, которую можно обнаружить и исправить. Если обсуждаем происхождение формы предмета, исследуем материал и изготовление. Плотиновское Единое не находится на месте такой неисправности или детали. Ссылка на него не сообщает, какой провод заменить. Это различие масштабов важно: метафизическое основание не освобождает от разбора конкретного процесса.

Остаётся и трудность языка. Чтобы говорить о начале, мы вынуждены давать ему имя и приписывать отношения, хотя аргумент ограничивает обычные положительные определения. Отсюда не следует разрешение говорить о нём что угодно. Напротив, каждое выражение нужно проверять на совместимость с вопросом. Если источник описывают как существо с меняющимися настроениями, планы которого периодически пересматриваются, в рассуждение возвращаются признаки временного и сложного. Возможно, возникла другая философская картина, но она уже требует собственного обоснования.

III. Ум един, однако в нём есть множественность

Ум у Плотина не совпадает с Единым, потому что мышление уже предполагает различимость. В V.1, особенно в §§ 4–5, он обсуждает содержание умопостигаемого, тождество и различие. Если есть мысль о чём-то, возникает отношение мыслящего и мыслимого. Даже когда они тесно связаны, это отношение требует объяснения. Поэтому Ум может быть целостным и содержать множество, не являясь первым в том же смысле, что Единое.

Представим, что человек сразу понимает устройство знакомой задачи. Ему не обязательно сначала проговаривать каждое отношение; затем он может развернуть объяснение для собеседника. Такая сцена помогает различить целостно схваченное содержание и последовательность его изложения. Однако человеческое узнавание не является моделью плотиновского Ума. У Плотина речь идёт об уровне действительности, где умопостигаемое обладает собственной связностью, а не об измеренной скорости работы мозга.

Это различие удерживает нас от двух упрощений. Первое делает Ум набором отдельных мыслей, собранных как записи в папке. Тогда остаётся непонятным, что объединяет их и почему их порядок не произволен. Второе объявляет его совершенно пустым единством, лишённым всякого содержания. Тогда исчезает роль Ума как области мыслимого. Плотин ищет целостность, в которой различия присутствуют, а не уничтожены и не просто поставлены рядом.

Из этого можно извлечь ограниченный вопрос к собственному рассуждению: что означает, что я понимаю предмет как целое? Могу ли я объяснить отношения его частей, или только чувствую знакомость? Если я назову все элементы, останется ли непонятным их порядок? Эти вопросы полезны для проверки объяснения, но не подтверждают метафизическое существование Ума. Они показывают, почему само различение единства и множества содержательнее общего требования перестать всё разделять. Некоторым видам понимания нужны именно точно различённые отношения.

IV. Душа объясняет развёртывание, а не дублирует Ум

Душа в читаемой конструкции имеет собственную роль. В V.1 Плотин описывает её деятельность и обращает внимание на различие между её движением и содержанием Ума. Душа связана с последующим, с жизнью и устроением чувственного. Поэтому три начала нельзя читать как три взаимозаменяемых названия одной вещи. Если бы различие ничего не меняло, дополнительные уровни лишь повторяли бы исходный ответ и не объясняли переход к множественности.

При чтении полезно отделить философское слово Душа от привычного обозначения частного настроения. Здесь оно не значит, что человек сегодня чувствует вдохновение или тревогу. Плотин рассуждает об устройстве действительности и о связи человеческой души с её основанием. Часть языка имеет религиозный и практический смысл, но объяснение не сводится к психологическому портрету отдельного читателя. Исторические представления о жизни космоса также нельзя незаметно выдавать за нынешнюю естественную науку.

Условный пример партитуры и исполнения может помочь обозначить границу. Порядок произведения можно обсуждать как целое, а исполнение разворачивается во времени и требует конкретных действий. Но партитура — созданный предмет, музыканты выбирают темп, инструменты имеют физические свойства. Плотиновские Ум и Душа не являются соответственно бумажной записью и коллективом исполнителей. Сравнение показывает только, что порядок содержания и порядок развёртывания могут быть разными вопросами.

Такое различение защищает и объяснение повседневного действия от слишком общего слова. Если план не выполнен, мало сказать, что между замыслом и воплощением нарушилось единство. Нужно уточнить, какой переход не состоялся: не хватало сведений, участники по-разному поняли задачу или возникло материальное препятствие. Плотин помогает поставить философский вопрос о зависимости уровней. Конкретная проверка причин остаётся отдельной работой, которую его картина не выполняет вместо нас.

V. Происхождение здесь не является событием на шкале времени

В V.1 § 6 Плотин прямо ограничивает временное прочтение происхождения. Если обсуждаются вечные начала, язык рождения обозначает причинную зависимость и порядок, а не момент, когда одно начало впервые появилось после другого. Это центральное различение для всей статьи. Без него три начала превращаются в сюжет: сначала Единое находилось одно, затем приняло решение создать Ум и позднее добавило Душу. Такая последовательность внесла бы изменение в то, что аргумент представляет сохраняющим себя.

Мы можем различить порядок объяснения и время на более простом примере. Геометрическое заключение зависит от определений и допущений. Читатель усваивает их в некоторой последовательности, но отношение вывода к основанию не определяется количеством минут между прочтением строк. Это ограниченная аналогия для разных смыслов раньше. Она не доказывает, что мир устроен как геометрический вывод или что Плотин предлагает математическую теорему.

У Аристотеля в книге XII «Метафизики», в части 6, вопрос о начале также связан с вечной действительностью и вечным движением. Его исходные предпосылки и задача отличаются, но текст не строит объяснение вокруг момента, когда прежде отсутствующее движение вдруг возникло. Сопоставление позволяет увидеть, что первым можно назвать объясняющее условие. Первое в этом смысле не обязательно значит самое раннее зарегистрированное событие.

Отсюда нельзя выводить сведения о возрасте Вселенной или переименовывать Единое в научное описание её начального состояния. У древних аргументов собственные основания, а современный вопрос о физической истории требует другого материала и способов проверки. Разница не обесценивает философию. Она позволяет понять, на какой вопрос философский ответ вообще претендует. Если мы хотим спорить с Плотином, нужно спорить о возможности такой зависимости и о его понятии первоначала, а не только спрашивать, в какой календарный год появился Ум.

VI. Образы источника помогают спросить о зависимости

Плотин пользуется образами, в которых источник сохраняется, а от него исходит последующее. Свет, тепло и подобные примеры делают мысль доступнее: отношение к источнику можно представить без того, чтобы источник целиком переходил в производное. В V.1 § 6 это связано с вопросом, каким образом первое остаётся собой. Образ поддерживает направление рассуждения, но его буквальное физическое устройство не составляет плотиновского объяснения.

Если понимать происходящее как расход материала, возникает другая задача. Нужно спросить, сколько источник отдал, что осталось и каким образом запас восстанавливается. Такие вопросы уместны при разборе конкретного природного процесса. Плотин стремится объяснить зависимость, при которой первое не утрачивает себя. Поэтому выражения об исходящем требуют внимания к тому, что именно переносится из образа в аргумент. Наглядность не отменяет разницы между метафорой и предложенным устройством действительности.

Можно сравнить это с тем, как одно правило позволяет разбирать несколько случаев. Правило не исчезает после первого применения; разные ответы не становятся его оторванными кусками. Однако правило придумано или сформулировано людьми, может оказаться неверным и требует проверки условий. Это наш пример отношения к основанию, а не определение Единого. Он полезен потому, что показывает: слово источник не всегда означает запас вещества, уменьшающийся по мере использования.

Для читателя появляется конкретная работа с объяснением. Когда я называю нечто общим источником, какое отношение имею в виду? Оно поставляет материал, определяет порядок, даёт условие возможности или выступает целью? Если эти смыслы меняются по ходу речи, вывод может опираться на незаметную подстановку. Плотиновский аргумент о сохранении первого помогает заметить такую трудность. Чтобы оценить его силу, нужно спросить, достаточно ли показана зависимость последующего, а не только насколько красив выбранный образ света.

VII. Обращение к началу связано с определённостью

В начале V.2 Плотин описывает последующее через обращение к источнику. В его рассуждении исходящее получает определённость и становится Умом, обращаясь к первому. Значение этой связи шире простой фразы всё возвращается домой. Она помогает объяснить, почему производное не только происходит от начала, но и имеет собственный порядок. Отношение к тому, от чего оно зависит, входит в объяснение того, чем оно является.

Здесь особенно легко снова построить рассказ по часам: нечто сначала вышло, потом оглянулось и наконец научилось думать. Но вневременная рамка требует другого чтения. Мы различаем отношения в аргументе, а не наблюдаемые стадии биографии существа. Даже если для изложения нужны последовательные глаголы, время речи не становится временем описываемого. Это позволяет обсуждать происхождение и обращение вместе, сохраняя первое неизменным.

У Аристотеля в XII.7 начало рассматривается как предмет желания и мысли, а объяснение движения связано с целью. Здесь тоже можно обсуждать направленность к началу, а не только воздействие толчком. Но любимое как причина движения не тождественно плотиновскому обращению, через которое объясняется Ум. Сходство вопроса делает различие ответов лучше видимым. Вместо того чтобы объединить оба текста словом притяжение, нужно уточнить, что направлено, к чему и в каком объяснительном отношении.

Плотиновский призыв человеческой душе обратиться к своему основанию имеет собственную религиозно-философскую направленность. Его можно понимать как часть этой картины, не обещая читателю воспроизвести порядок гипостаз через упражнение внимания. Иногда личное обращение к важному вопросу меняет то, что мы замечаем. Однако такой опыт ещё не удостоверяет метафизику. Он может стать поводом внимательнее прочитать аргумент: какое отношение здесь называют возвращением и почему оно должно давать определённость?

VIII. Сходный вопрос не устраняет несогласия с Аристотелем

Плотин и Аристотель обсуждают первоначало, однако не просто называют одну и ту же доктрину разными словами. В XII.7 «Метафизики» Аристотель связывает высшую действительность с мыслью и её обращением к себе. В V.1 § 9 Плотин обсуждает приписываемое Аристотелю начало и возражает против его первичности: отношение мышления уже содержит различимость. Для Плотина Ум следует за Единым; поэтому смысл первого меняется вместе с местом мысли.

Чтобы понять спор, достаточно удержать простой вопрос. Если начало мыслит себя, как соотносятся мыслящее и мыслимое? Ответ может подчёркивать их единство в действительности мысли. Плотин требует ещё более простого первого, предшествующего этому отношению. Расхождение касается того, что допустимо внутри первоначала, и того, какой порядок объяснения нужен. Оно не исчезает, если обоих авторов назвать сторонниками единства мира.

При этом плотиновская критика остаётся его интерпретацией Аристотеля. Она важна как первичное свидетельство того, как Плотин строит собственный аргумент, но не

освобождает читателя от чтения аристотелевского места. Различение голосов позволяет обсуждать и возможное несовпадение между тем, что утверждает один автор, и тем, как его позицию описывает другой. История философии не становится прозрачной только потому, что более поздний мыслитель уверенно пересказывает предшественника.

Для современного разговора это даёт полезную форму внимательности. Два человека могут соглашаться, что у системы есть общее основание, и понимать под ним разные вещи: правило координации, материальную причину или цель. Если заранее объявить их согласными, существенный спор пропадёт. Уточнение понятий иногда увеличивает видимое несогласие, но делает его честнее. В чтении Плотина такое увеличение различимости помогает понять Единое лучше, чем быстрое перечисление всех традиций, в которых встречаются слова об одном начале.

IX. Единство не должно уничтожать различия производного

В V.2 § 2 Плотин продолжает порядок происходящего от первого и сохраняет различие между предшествующим и последующим. Отсылка к общему основанию не превращает Ум, Душу и чувственное в неразличимую массу. Связность порядка совместима с тем, что каждый уровень имеет собственную роль. Иначе вопрос о множественности остался бы без ответа: вместо объяснения различий нам предложили бы перестать их замечать.

Это важное различение для чтения эпиграфа. Если Единое есть всё в отношении основания, из этого не следует, что каждая вещь обладает всеми свойствами любой другой. Человек, дерево и инструмент не становятся взаимозаменяемыми. Подобная подстановка смешала бы зависимость с тождеством. Философское объяснение должно показать, как определённое связано с первым, а не позволить переносить признаки между любыми предметами без дополнительного основания.

В условном разговоре несколько участников могут обсуждать одну задачу и занимать разные положения. Общая задача не отменяет того, что один располагает нужными сведениями, другой несёт издержки, а третий вправе отказаться от предложенного действия. Это пример для различения общего предмета и одинаковости участников. Он не выводит нормы совместной жизни непосредственно из Плотина. Он показывает, какую ошибку создаёт слово единство, если им закрывают вопрос о конкретных различиях.

Поэтому ссылка на целое требует продолжения. Какие отношения входят в него? Какие различия сохраняются? Что станет непонятным, если убрать один из уровней? В плотиновской конструкции важны именно переходы и зависимости. В нашей ситуации существенными могут оказаться разные роли, материалы или способы действия. В обоих случаях мысль получает больше содержания, когда общий термин помогает рассмотреть

связи. Если же он делает подробности ненужными, его объяснительная работа остаётся сомнительной.

X. Общий источник и конкретная причина отвечают на разные вопросы

Разбор Единого полезно завершить различением масштаба объяснения. Аристотель во второй книге «Физики», в части 3, обсуждает разные смыслы причины: из чего вещь состоит, что делает её такой, откуда начинается изменение и ради чего оно происходит. Эти вопросы позволяют подробно рассматривать определённую вещь. Они не образуют четыре аналога плотиновских начал, поскольку классифицируют другой предмет и выполняют другую работу.

Предположим, мы спрашиваем, почему появился деревянный стул. Один ответ назовёт материал, другой устройство, третий изготовителя, четвёртый назначение. Ответы могут быть связаны и не обязаны исключать друг друга. Тот же стул можно позднее использовать как временную подставку для коробки. Новое использование не меняет прошлое изготовление, но добавляет другой вопрос о нынешнем действии. Даже слово назначение поэтому требует уточнения: зачем вещь создавали и ради чего сейчас ею пользуются? Общее происхождение не устраняет этого различия. Но фраза всё происходит от Единого не сообщает размеров деталей, последовательности изготовления или предполагаемого использования. В плотиновской картине она относится к более общему основанию. Подменив ею конкретные вопросы, мы получили бы менее ясное объяснение, даже если приняли метафизику автора.

Обратная подмена также возможна. Из того, что мы объяснили изготовление стула, не следует, что решён вопрос Плотина о первом основании различимого. Подробность местного объяснения и претензия на всеобщее объяснение требуют разных оценок. Мы можем предпочесть ограниченные вопросы, оспорить необходимость всеобщего начала или принять его как философскую гипотезу. Каждый выбор становится яснее, когда не притворяется ответом на все остальные вопросы одновременно.

Вернёмся к музыкальному ансамблю. Одна пьеса, согласованность исполнения и общее желание играть вместе — разные виды единства. Плотиновское Единое предлагает ещё иной, предельный смысл основания. Чтение не обязано завершаться принятием этого смысла. Оно может завершиться более точным вопросом: какой вид единства я назвал, что он объясняет и чего из него нельзя получить? Тогда множественность сохраняется как задача для мысли, а единство перестаёт быть словом, которым эту задачу слишком рано прекращают.

Что это значит на практике

Для внимательного чтения можно взять одну фразу, в которой вы или ваш собеседник ссылаетесь на единство: у команды одна цель, этот текст образует целое, всё связано с общим основанием. Выберите спокойный случай, который можно рассмотреть без срочного решения. Запишите, о каком виде единства идёт речь: количестве предметов, согласованности частей, зависимости от источника или общем назначении. Если подходят несколько ответов, разделите их, вместо того чтобы сразу выбирать самый широкий.

Затем назовите два различия, которые фраза должна сохранить. У команды могут быть разные обязанности; у текста — разные основания утверждений; у предмета — материал и способ изготовления. Спросите, что изменится в объяснении, если эти различия исчезнут. Возможно, станет непонятно, кто за что отвечает или почему одна часть нуждается в проверке. Такое затруднение показывает работу конкретного различия; оно не опровергает всякое единство.

Если вы читаете именно Плотина, отдельно выпишите отношения между Единым, Умом и Душой словами. Стрелку в своём черновике назовите зависимостью, а не автоматически движением во времени. Проверьте, не превратили ли вы уровни в физические этажи и не наделили ли первое изменяющимся замыслом. Затем вернитесь к V.1 § 6 и началу V.2: какие выражения текста поддерживают вашу запись, а какие требуют её уточнить? Такая работа проверяет понимание аргумента, а не наличие у вас мистического опыта.

Наконец, задайте отдельный вопрос о конкретной вещи или ситуации. Даже если вы допускаете общее основание, какие сведения нужны, чтобы объяснить её форму, изменение или назначение? Этот шаг сохраняет место для подробностей. Можно обнаружить, что широкий ответ и местная проверка совместимы, а можно решить, что широкий ответ пока ничего не добавляет. Оба результата допустимы, если названы их основания.

Это добровольная практика различения понятий. Она не является духовным испытанием, лечением или способом гарантированно ощутить единство. Её ограниченная цель — сделать собственное объяснение доступнее обсуждению: показать, в каком отношении вещи связаны и почему связь не отменяет их особенностей.

Ключевая цитата

> *«мы не смеем говорить о возникновении во времени».*

Плотин, «Эннеады» V.1, § 6. Точная внутренняя клауза показанного английского перевода Маккенны и Пейджа: “we dare not talk of generation in time”. Собственный

перевод United Wisdom с английского. Первичный текст, абзац о сохраняющемся первом начале и причинном порядке вечного. Это фрагмент предложения, а не полный афоризм.

Цитата ограничивает временное прочтение данного метафизического происхождения. Она не сообщает физический возраст мира.

Связи между традициями

1. Сохраняющееся начало и неподвижный двигатель. Плотин в V.1 § 6 и V.2 § 2 обсуждает происхождение последующего при сохранении первого. Аристотель в «Метафизике» XII.7 рассматривает начало, которое движет, само не будучи движимым. Обе конструкции отделяют зависимость от обычной передачи изменения источнику. Однако порядок гипостаз у Плотина и объяснение вечного движения у Аристотеля — разные задачи; одного физического механизма сравнение не устанавливает.

2. Единое выше Ума и первичность мысли. В V.1 §§ 4–5 Плотин сохраняет множественность в Уме, а в § 9 оспаривает аристотелевское начало в собственной интерпретации. В XII.7 Аристотель связывает высшую действительность с мыслью, обращённой к себе. Конкретное сходство — вопрос о допустимом отношении мыслящего и мыслимого в первом начале. Ответы расходятся: плотиновское Единое не становится другим именем аристотелевской мысли, а пересказ Плотина не считается нейтральной исторической экспертизой.

3. Единство до числа и значения простоты. Плотин в V.1 § 5 ищет первое относительно определённого содержания и числа. Аристотель в XII.7 различает одно как меру и простое в отношении природы вещи. Обе стороны требуют уточнить, что именно означает единство. Арифметическая единица, состав и первоначало не подставляются друг вместо друга; аристотелевское различение само не доказывает плотиновское сверхбытийное Единое.

4. Вневременное происхождение и вечная действительность. Плотин в V.1 § 6 и начале V.2 связывает последующее с первым через причинный порядок, ограничивая временное чтение. Аристотель в XII.6 требует действительного начала для объяснения вечного движения. Общее различение касается порядка основания и календарной последовательности. У авторов разные предпосылки о вечности и движении; эти места не описывают современную физическую историю Вселенной.

5. Обращение к источнику и целевая направленность. У Плотина в V.2 § 1 обращение производного к первому входит в объяснение его определённости. В XII.7 Аристотель рассматривает начало как предмет желания и мысли. Сходство позволяет обсуждать направленность к основанию, не ограничиваясь образом внешнего толчка. Созерцание в

порядке гипостаз и любимое как причина движения остаются различными отношениями; из них не выводится эмпирическая теория человеческой мотивации.

6. Всеобщее основание и определённые причины. Плотин в V.2 § 2 сохраняет различимые ступени зависимого от первого. Аристотель в «Физике» II.3 разделяет объяснения через материал, форму, начало изменения и цель. Сопоставление показывает масштаб вопроса: общее происхождение не заменяет разбор конкретной вещи. Четыре смысла причины не превращаются в четыре гипостазы, а сравнение не заявляет исторического влияния одной конструкции на другую.

Первоисточники

• Плотин. «Эннеады» V.1–V.2, английский перевод Стивена Маккенны и Б. С. Пейджа. Первичный метафизический и религиозно-философский аргумент. Оба трактата прочитаны полностью; остальная «Эннеада» и греческий аппарат не заявлены прочитанными. Точная печатная редакция носителя не установлена. Помеченные в V.1 § 7 повреждённые места не используются для цитат или точных выводов.

• Аристотель. «Метафизика», книга XII, английский перевод У. Д. Росса. Первичная философия; использованы полностью прочитанные части 6–7 о вечной действительности, движении и мысли. Историческая небесная модель не представляется современной космологией; вся книга не заявлена прочитанной.

• Аристотель. «Физика», книга II, английский перевод Р. П. Харди и Р. К. Гей. Первичное философское исследование природы и изменения. Прочитаны части 1–3; для карты и заключительного различения используется часть 3 о смыслах причины. Это не современный алгоритм причинного вывода.

Теги

Плотин, Эннеады, неоплатонизм, Единое, единство, множественность, первоначало, Ум, Душа, гипостазы, умопостигаемое, определённость, тождество, различие, число, простота, происхождение, причинная зависимость, вневременность, вечность, обращение, созерцание, источник, метафора света, Аристотель, Метафизика, Физика, неподвижный двигатель, мысль, цель, причины, масштаб объяснения

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.